

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №2 2025 ГАЗЕТА

Дмитрий Поляков-Катин / Эпицентр

Памяти Мастера

Бориса Алексеевича ФЕДОТОВА (1931–2003) я знала как ведущего художественного редактора самого массового в СССР издательства «Молодая гвардия», как удивительного архитектора и домостроителя (на волжском берегу под Кимрами он создал то, что не обозначается словом дача, шале, усадьба — Дом Художника), как деликатного соседа и умного собеседника.

В 2003 году его не стало. А потом — так уж сложилось — он «стал» нашим, роман-газетовским художником, работы его стали иллюстрациями наших обложек. А совсем недавно — радениями его близких, жены и сына — в Выставочном зале на Семёновской прошла персональная выставка Бориса Федотова.

Через двадцать лет после кончины художника собрались его друзья, коллеги и сослуживцы. В точной и яркой экспозиции мы увидели работу великолепно-

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

**Редакционная
коллегия:**
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

**Ответственный
редактор**
Елена Русакова

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»
принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2025
Все права защищены

Журнал зарегистрирован
в Министерстве связи
и массовых коммуникаций РФ.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-68350
от 30.12.2016 г.

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
roman-gazeta-1927@yandex.ru

**Подписные
индексы издания:**

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2025 №2 /1967/ Основана в 1927 г.

Дмитрий Поляков-Катин

Эпицентр

Роман

Берлин, 3 сентября

Расхожая мысль, что случайность — лишь разновидность закономерности, как всякий парадокс, тонизирует живость ума, но не всегда применима к практической стороне бытия, ибо можно продумать каждый шаг, просчитать и согласовать все вероятные и даже невероятные обстоятельства, способные повлиять на ожидаемый результат, — и в какое-то мгновение всё смешает непредсказуемый случай. Разумеется, бывает он и счастливым, но на войне — во всех ее проявлениях — чаще всего добра от него не ждут.

Даже зная о предстоящем покушении на Гитлера, Гесслиц не мог представить размаха обрушившихся на Германию репрессий и уж тем более его последствий для себя.

Однако все пошло как раз так, как быть не должно, казалось, ни при каких обстоятельствах. К началу сентября Молох отмщения только вошел во вкус — уже подорвал себя ручной гранатой, избегая ареста, генерал-майор фон Тресков, отравился цианистым калием генерал-фельдмаршал фон Клюге, повешены в Плетцензее командующий оккупационными войсками во Франции Штюльпнагель, начальник полиции Берлина фон Хелльдорф, генерал-полковник Гепнер, приговорены к смертной казни генерал-фельдмаршал Вицлебен, генерал Фельгибель, военный комендант Берлина фон Хазе, арестованы десятки, сотни виновных и невиновных, в том числе их близкие родственники; детей, даже грудных, отдали либо в приют, либо в приемные семьи.

Гитлер запретил казнить мятежников как гражданских лиц на гильотине и расстреливать как военных: им предназначалась исключительно виселица. Чтобы казнь выглядела более устрашающе, специалисты тюрьмы Плетцензее предложили вешать осужденных на струнах от рояля, которые прикреплялись на потолке к крюку для подвешивания мясных туш. Так мучения могли тянуться до получаса, в то время как обычная петля или ломала шею, или удушала за несколько секунд. На всякий случай, чтобы агония не прервалась раньше времени, осужденным кололи сердечные стимуляторы. Конвульсии в металлической петле снимались на киноплёнку при освещении софитов, как будто на подмостках уличного балагана разворачивалось жуткое представление. Пострадавший от взрыва в «Вольфшанце» группенфюрер Фегеляйн, муж младшей сестры Евы Браун, показал Гитлеру фотографии казни. Тот поморщил-

Окончание. Начало см. в № 1 за 2025 год.

ся и вернул их ему со словами: «Мне неприятно на это смотреть. Но что делать? Возмездие должно быть суровым».

Когда дым от провального покушения Штауффенберга рассеялся, настало горячее время демонстрации бескомпромиссной верности фюреру. Вместо того чтобы затаиться, Небе ринулся в атаку, полагая, что, будучи на виду, он меньше рискует оказаться в прицеле внимания следователей гестапо. В первый же день он выдал ордер на арест нескольких малозначимых сотрудников своего ведомства, о которых ходили слухи в сочувствии заговорщикам. Кроме того, ему пришлось принять участие в задержании начальника полиции Берлина графа фон Хелльдорфа. Для Небе этот человек представлял серьезную опасность. Ветеран национал-социалистического движения, организатор еврейских погромов еще во времена Веймарской республики, балагур, повеса, карточный игрок, промотавший отцовское поместье Вольмирштедт и вернувший себе состояние через вымогательство денег за спасение у богатых евреев, которых сам же и преследовал, не брезговавший присваивать предметы роскоши после того, как носители желтой звезды отправлялись в лагерь, обергруппенфюрер Хелльдорф связался с заговорщиками скуки ради — его привлекали таинственность, авантюризм и звонкие титулы участников. Фон Хелльдорф мог знать об обещании Небе распустить криминальную полицию, дабы она не воспрепятствовала перевороту, которое тот дал и не выполнил.

На четвертые сутки после покушения, ближе к ночи, в дверь секретной квартиры Небе на Эрепштрассе, куда он втайне ото всех и в первую очередь от своей изнывавшей от ревности многолетней любовницы, инспектора крипо Найди Гоббин, таскал женщин всякого сословия и званий, раздавался тихий, но настойчивый стук. Как раз в эту минуту шеф крипо, чтобы хоть немного расслабиться, лихорадочно раздевал жену своего соседа по дому — молодую, дородную, как лимузинская корова, волоокую учетчицу со склада военной амуниции, которая томно сопротивлялась, задыхалась и призывно твердила: «Зачем это? ну, зачем это? ну, зачем это?»

Вцепившись в неподдающиеся застежки бюстгалтера, Небе пригнулся, как от подзатыльника, и замер в скрюченной позе. Кровь отхлынула с лица.

— Что такое? Кто это? — с изумленным испугом прошептал он.

На цыпочках, стараясь ничего не задеть, чтобы не произвести шума, в трусах и кителе, он подлетел к двери и встал перед ней, прислушиваясь. Стук повторился. На дверную ручку с кончика носа Небе шлепнулась жирная капля пота. Ему показалось, что звук ее падения был слышен даже снаружи. Раскрытой рукой он смахнул струящийся пот с лица. Приложил ладонь к груди, ощутив, как бешено колотится под

ней сердце. Осторожно вынул из висевшей на вешалке кобуры вальтер. После небольшой паузы за дверью послышался отдающий гулким эхом голос Мюллера:

— Артур, не валяй дурака. Открывай. Я один.

Лицо Небе вытянулось. Никто, кроме пары доверенных лиц, не знал этого адреса. Мюллера здесь никогда не бывало. Неуверенным движением Небе повернул в замке ключ. Одетый в неброский костюм, в фетровой шляпе с шелковым кантом, похожий на страхового агента, перед ним стоял шеф гестапо — действительно один.

— Боже мой, Генрих, как ты меня нашел? — выдал из себя Небе.

— Это было несложно. — Мюллер удивленно посмотрел на него и прошел внутрь. — У тебя бравый вид, — заметил он. — С таким, пожалуй, не повоюешь. Убери оружие, а то наделаешь шума.

Пока Небе натягивал брюки, Мюллер сунулся в спальню, где на кровати, прижав одеяло к подбородку, сидела насмерть перепуганная учетчица.

— Пошла отсюда. Быстро, — приказал он, задев ее леденящим взглядом своих тяжелых, немигающих глаз, затем прошел в кабинет и уселся в кресло, заложив ногу на ногу. Девица выскочила вон, не успев до конца одеться. Небе очумело посмотрел ей вслед и нерешительно направился в кабинет.

— Что-то случилось? — осторожно поинтересовался он.

— А покушения на Гитлера тебе уже мало? — язвительноотреагировал Мюллер. Ему претила театральщина (поэтому он всегда тяготился партийными сборищами): дабы избежать лишнего пафоса, он, перегнувшись через подлокотник, дотянулся до бутылки с водкой, плеснул в стакан изрядную порцию и проглотил ее одним глотком. Закурил.

Все это время Небе, поеживаясь, сидел на краю стола и ждал развязки: внезапный визит такого гостя не обещал ничего хорошего. Наконец Мюллер снял шляпу и повесил ее на свое колено.

— Мы с тобой сыщики, Артур. Грубо говоря, полицейские ищейки. Наше дело — вынюхивать, хватать, рвать. Иного от нас не требуется, — начал он, помолчал, словно вникая в содержание сказанного, затем продолжил: — Не все ли равно, какая фуражка на голове у тех, кто отдает команды? Мы ловили коммунистов, социалистов, пидорасов, наркоманов, убийц. Сменится кокарда, и мы станем ловить нацистов, фашистов, пидорасов, наркоманов, убийц. Велика ли разница? Если тебе платят деньги и дают полномочия, нет смысла забивать голову вопросами морали. Для этого существуют лидеры нации, светлые люди, у них договор с дьяволом покрывает все издержки. Единственное, о чем стоит подумать, — это личная безопасность. Потому что, когда в политике что-то не клеится, нет лучшего выхода, чем спустить собак на полицейских.

— Я тебя не понимаю, Генрих. — Небе, стараясь скрыть волнение, тоже налил себе водки и выпил. Неуверенно поинтересовался: — Что-то сказал Хелльдорф?

— Пока нет. Но обязательно скажет. Ты чего-то опасаясь?

— Нет, конечно. Чего мне опасаться?

— Действительно, чего? Хелльдорф дурак. Своими долгами загнал себя в угол. Думал списать их, примазавшись к заговору. Пока надувает щеки, пиджон. К нему не применяли методов устрашения. Но не сегодня-завтра... Хочешь допросить?

— Н-нет... Твои ребята справятся лучше.

Мюллер глубоко затынулся. Выдержал длинную паузу, с любопытством рассматривая старого приятеля, который никак не мог принять непринужденную позу под его угнетающе-пристальным взглядом. Потом он сказал:

— Всё, Артур, всё, эта затянувшаяся эпопея окончилась практически фарсом. Такая долгая мышиная возня, и — voilà! — Гитлер контужен! Триумфальный марш! — Он хмыкнул, склонил свою крупную, тяжелую голову и мрачно произнес: — Война пробрана. Теперь уж наверняка. Вопрос один: как больно нас будут резать. Вот что выходит, когда ефрейторы начинают таскать за бороды генералов. И что самое досадное: они-то уцелеют, вывернутся, а резать будут нас, простых исполнителей безумных приказов, от которых нам и самим тошно. Тухлыми помидорами всегда забрасывают артистов, а импресарио подсчитывают барыши.

Заметив, как Небе настороженно огляделся, Мюллер успокоил:

— Не волнуйся. У стен, конечно, есть уши. Но эти уши — мои... Где у тебя пепельница?

Небе торопливо передал пепельницу Мюллеру и нерешительно возразил:

— Вообще-то криминальная полиция везде занимается уголовщиной.

Мюллер саркастически улыбнулся:

— Это ты Сталину объясни. А заодно сохрани копию приказа рейхсфюрера о твоём назначении руководителем айнзатцгруппы «В», чтобы не подумали, будто ты добровольно отправился в Белоруссию убивать евреев и комиссаров. Не хочется вспоминать? Я тебя понимаю. Но не это сейчас важно.

— А что? Что сейчас важно? — вскинулся Небе.

— Не угодить под гусеницы танка, в котором сидят психопаты.

— Конечно... да... Но нам с тобой нечего опасаться...

— М-да, не ценят у нас умных людей. Да их и нигде не ценят. Оно же как: есть у тебя von или zu перед фамилией — и довольно. А что под фуражкой? Что? Гитлер? Идея? Верность? Тупость?.. Дрянная у тебя водка. Пей русскую. На худой конец, польскую. Хо-

тя от нее изжога. Русская лучше. — Мюллер поставил стакан на стол и еле слышно спросил: — Скажи мне, Артур, зачем?

— Что?

— Зачем тебе это? Захотелось новых впечатлений? Бабы, власть, президент Интерпола... Чего тебе не хватало? — спросил он почти ласково. И внезапно заорал: — Что, черт возьми, ты устроил, Артур?!

Небе съезжился в своем углу. Он всё понял.

— Я рассчитывал на тебя, а ты снюхался с идиотами Остера! Что они тебе обещали — место Гиммлера? Или мое? Бутерброд с английским джемом? Кругосветное путешествие? Ночь с Ритой Хейворт?! Ведь мы друзья, но ты ничего не сказал мне. Ни слова!

— Прости, Генрих, прости. Я запутался. Я просто хотел обезопасить себя... нас.

Мюллер снял шляпу с колена, выправил тулью и поднялся, намереваясь уходить.

— Многие считают, — спокойным голосом произнес он, — что тот, кто не способен на жестокость, гораздо благороднее того, кто способен. Но это не так. Если ты не способен на жестокость, то рано или поздно станешь жертвой того, кто способен. Я придерживаюсь такой точки зрения... — Он прикусил свою исчезающе тонкую губу и похлопал широкой, как лопата, ладонью Небе по щеке. — Хансен, — сказал он, — тебя помянул Георг Хансен из абвера, когда ему сломали челюсть. Так что — всё. День. Может быть, два. У тебя немного времени. Беги, Артур. Спрячься где-нибудь. Или придумай что-нибудь позабористей, чтобы убедительно исчезнуть.

После этих слов Мюллер надел шляпу и направился к выходу, в дверях обернулся:

— Я тут много наговорил лишнего, так что постарайся не угодить мне в лапы.

На другой день в квартире на Эрпштрассе прогремел взрыв. Как впоследствии показала экспертиза, взорвалась ручная граната М-39, в просторечии именуемая «яйцо». В квартире был обнаружен труп сухопарого мужчины в форме группенфюрера СС с кровавым месивом вместо лица. В нагрудном кармане лежали документы на имя Артура Небе. Одновременно в кабинете шефа крипо была найдена невнятная записка: «Ухожу из жизни добровольно. Устал. Хайль Гитлер. Небе». Криминалистам понадобились сутки, чтобы установить: взрыв гранаты в той точке, где он был зафиксирован, не мог нанести столь значительных увечий лицу погибшего; более того, ранения лицевой части скорее всего произошли дня на три ранее. Небе был объявлен в розыск, исключен из НСДАП и СС, разжалован в рядовые, за его поимку было объявлено вознаграждение 50 тысяч рейхсмарок. Гитлер потребовал у Мюллера лично найти изменника и содрать с него кожу.

Все это время Гесслиц старался не высовываться, погрузившись в рутинную работу. То, что людей Небе еще не просеяли сквозь сито подозрений, говорило скорее о нехватке ресурсов, чем о равнодушии со стороны гестапо. Однако, казнив Хелльдорфа и изблотив Небе, в гестапо и впрямь поостыли к коллегам из криминальной полиции. На всякий случай Гесслиц предупредил Дальвига о сложившейся в РСХА ситуации, и в какой-то момент они даже слегка успокоились.

Гром грянул внезапно и как-то вызываяюще глупо. То ли совсем уже потеряв голову и чувство реальности, то ли будучи беспробудно пьяным, на служебный номер Гесслица позвонил неизвестно где скрывающийся Небе и, когда тот снял трубку, попросил позвать к телефону Найди Гоббин. Гесслиц, узнавший голос своего шефа, коротко ответил, что фрау Гоббин работает в другом здании, и повесил трубку. Спустя сорок пять минут к нему в кабинет в сопровождении двух конвоиров явился гауптштурмфюрер — прямо с Принц-Альбрехтштрассе. Пока автозак вез его в Плетцензее, Гесслиц тщательно обдумывал свое положение. Несомненно, арест был спровоцирован идиотским звонком Небе. Вряд ли у них есть на него что-то еще, иначе он бы давно сидел в камере. Однако теперь, когда в связи с Небе он попал в поле зрения гестапо, следователи могут им крепко заняться: Гесслиц хорошо знал, как работает их нюх.

Долговязый следователь в звании криминалькомиссара, страдающий одновременно от простуды и жары в непроветриваемом кабинете без окон, засыпающим голосом более часа выспрашивал Гесслица: почему Небе позвонил именно ему? где он может прятаться? кто входит в круг его друзей? почему он позвонил именно ему? что связывает его с Небе? какие задания Небе он выполнял? зачем Небе квартира на Эрпштрассе? почему он позвонил именно ему?.. На столе криминалькомиссара Гесслиц заметил пухлое досье, в которое тот то и дело заглядывал. Это было его досье, Гесслиц удивился, как быстро его доставили в Плетцензее.

Для стимулирования искренности у допрашиваемого к стене примыкал столик на колесиках, едва прикрытый полотенцем, из-под которого высовывались хромированные части щипцов, плоскогубцев, скальпелей, молоточков, шприцев, как в ординаторской медицинского учреждения.

Следователь чихнул, высморкался и с тихим, изнуренным стоном втянул воздух.

— Рекомендую вам, коллега, прекратить запираяться, — продолжил он, вытирая слезы на глазах. — Мне доложили, что вы были очень близки с изменником Небе. Он вас выделял. Вы входили в близкий, как говорится, круг и не могли не замечать его настроения. Может быть, он и вас втянул в свои делишки с заговорщиками?

— Послушайте, я такой же, как вы, следовательно, у которого есть начальник. Начальнику, как вы понимаете, следует подчиняться, выполнять все его поручения.

— А вас не настораживали какие-либо из его поручений? Вы слышали имена Гизевиус, Бек, Остер?

— Имена я, конечно, слышал, как, думаю, и вы. Но поручений, связанных с ними, от Небе мне никогда не поступало. Я занимался делами исключительно криминального свойства: убийства, кражи, разбой, спекуляция. Вероятнее всего, Небе позвонил мне по ошибке. Он наизусть помнит все телефонные номера нашего ведомства, мог и перепутать. Допросите фрау Гоббин.

— Уже допросили. — Криминалькомиссар поднял на него ослотившиеся от простуды глаза. — Небе соблазнил ее. Так сказать, воспользовался своим служебным положением. А вы не знали?

— Знал, — признался Гесслиц. — Но кто там берет: соблазнил — не соблазнил?

— Это правда, — вздохнув, согласился следователь. — Но у фрау Гоббин кристально чистая биография. Национал-социализм у нее в крови. Ее отец, доктор Гоббин, был рядом с фюрером во время Национальной революции в Мюнхене. Дочь унаследовала его лучшие качества.

— Возможно. Я мало ее знаю.

Следователь сделал какую-то пометку в своих бумагах, затем, лизнув палец, перевернул несколько страниц в досье Гесслица, положил закладку в нужном месте и, крепко высморкавшись, в своей унылой, задыхающейся манере произнес:

— Да, про вас она говорит то же самое. Но оставим фрау Гоббин в покое. Тем более что она уже приступила к своим обязанностям, вопросов к ней больше нет пока. Давайте вернемся к вам. Вот что смущает, коллега, вот что мешает подписать ваш пропуск на выход. — Он нацепил очки и погрузился в чтение. — Вот смотрите, — произнес он, ткнув пальцем в бумаги, — «Адлерхоф». — Последовала напряженная пауза. — Внимание мое привлек странный эпизод годичной давности. Помните? Вы невольно, как сказано в отчете, вмешались в операцию по задержанию особо опасного преступника возле отеля «Адлерхоф», в результате чего он сумел скрыться, а вы с пулевыми ранениями оказались в «Шарите». Я ничего не перепутал?

«Всё. Похоже, провал, — подумал Гесслиц. — Теперь не слезут. Если останусь здесь, они выпотрошат меня, как кабана на охоте».

— Ничего. Но вы не упомянули одну деталь, — ответил он. — Я не вмешивался в операцию по задержанию вашего преступника. У нас была своя операция — как раз в это время и именно в этом месте готовилось ограбление ювелирного магазина, расположенного в «Адлерхофе». Я заранее известил

об этом начальство и разместил своих людей в конце улицы. Они всё видели и подтвердили. Кто бы мог подумать, что гестапо приедет на автомобилях без опознавательных знаков и даже без полицейской сирены?

— Всё так, коллега, всё так. — Измученное болезнью лицо следователя стало еще более кислым. — Но из «Шарите» вас вызволил Небе. Лично. Используя свой генеральский статус и не считаясь с доводами следствия. И вот это, именно это наводит на очень нехорошие подозрения. — Он опять схватился за платок и с треском высморкался. — Предлагаю начать наш разговор с этого места, если не возражаете.

Сидевший на металлическом табурете Гесслиц выпрямился, сочувственно покачал головой:

— Плохая простуда. Слушайте, криминалькомиссар, могу дать вам совет, как за одну ночь справиться с напастью.

— Да? — оживился следователь. — Какой же?

— Мекленбургский народный рецепт. Возьмите таз, разведите в нем соль, побольше. Замочите в нем носки, кальсоны, майку. Потом наденьте все это, плотно укутайтесь в перину и дайте одежде высохнуть, прямо на себе. За ночь соль вытянет все патогены. Утром встанете как новенький.

— Любопытно. — Улыбка впервые тронула сухие губы следователя. — Не знаю, решусь ли я на такой эксперимент, но в любом случае спасибо. — Он усталосел на локти. Было видно, что ему неприятно топить человека из своего профессионального цеха. — Скажу честно, мне не хотелось бы передавать вас инстанциям, где допрос предполагает методы устрашения. Ну, вы понимаете, о чем я говорю. Поэтому давайте уж как-то договариваться, коллега. А то мы тут засиделись.

— Давайте, — поддержал его Гесслиц, растирая кисти рук под наручниками. — И для начала свяжитесь с группенфюрером Мюллером. Скажите, что с ним хочет встретиться и поговорить Пилигрим.

— Пилигрим? — фыркнул криминалькомиссар. — Вы смеетесь? Так и сказать — Пилигрим? А может быть, сразу к фюреру? Чего мелочиться?

— Нет, — покачал головой Гесслиц, — с Мюллером. Вот увидите, он непременно захочет со мной поговорить. Просто позвоните в приемную группенфюрера и скажите, что здесь Пилигрим.

Следователь задумался. Если бы Гесслиц упомянул любое имя из аппарата РСХА, это не вызвало бы никаких эмоций, ибо каждый, кто попадал в комнату допросов тюрьмы Плетцензее, старался припомнить покровителя повыше, но Мюллер... к нему никто никогда не апеллировал. Одна только мысль о гневе шефа гестапо вызывала оторопь. Лучше подстраховаться, чтобы избежать лишних вопросов... После бесцельного пролистывания досье криминалькомиссар захлопнул его:

— Ну, хорошо... Сейчас вас отведут в камеру, а я, так и быть, попробую выполнить ваши, гм... указания. — Он усмехнулся, второй раз за вечер.

Цюрих, 4 сентября

— Поедем в Берн?

— В Берн? Зачем?

— Какой прозаичный вопрос. В Берн! Просто так, прошвырнуться!

— Гм... А знаешь, я никогда не была в Берне. Говорят, красивый город.

— Я тоже, — солгал он. — Сейчас там лучший сезон. Тепло, не жарко. Солнце желтое, тени долгие. Придумаем какой-нибудь повод. Есть у меня приятель, коннозаводчик, у него имение в пригороде. Там и остановимся. Можно покататься на лошадях. Ты умеешь?

— Ни разу не пробовала. Но готова рискнуть.

— Замечательно.

— Я скажу Виклунду, что у нас встреча со страховщиком. Он, конечно, не поверит, но согласится. Главное, чтобы не догадался о наших отношениях.

— Да, для профессионального разведчика это большая шарада.

— Виклунд умеет создавать проблемы.

— А с чего ему создавать нам проблемы?

— Ты это серьезно? Мог бы заметить как профессиональный разведчик, что он глаз с меня не сводит. Еще со Стокгольма, когда лез ко мне с поцелуями.

— О, вы целовались?

— Целовался он. А я ему чуть язык не вырвала.

— Звучит грозно. Но я почему-то верю. С такими-то клыками...

— Вот ты шутишь, а меня, между прочим, боятся даже собаки. Могу одним взглядом остановить немецкую овчарку. Веришь?

— Взглядом — нет, не верю. Но загрызть ее — в это очень даже...

— Болтун... Мой милый болтун.

— Отойди от окна. Тебя видят с улицы. Там сейчас будет авария.

— Ну и пусть. Голых женщин они не видели?

— Говорят, самые стройные ножки в мире — у шведок.

— Что, у всех?

— Нет, не у всех. Но у одной — без сомнения.

— А это всё потому, что она любит одного испанца и его шеголеватые усики.

— Так, значит, едем в Берн?

— С тобой — хоть на край света, дорогой.

— Ну, пока ограничимся Берном, а там посмотрим. Хартман был в смятении. Вот уже два месяца он не мог связаться с Москвой. Между тем контроль за

ним со стороны и шведов, и «Интеллидженс Сервис» заметно усилился, он это почувствовал: теперь приходилось согласовывать чуть ли не каждый шаг, особенно это относилось к переговорам с Шелленбергом, которые после покушения на Гитлера постепенно возобновились. Вряд ли это было признаком недоверия, скорее бюрократическим решением, свойственным всем разведслужбам мира. Однако еженедельные посещения музея Кунстхаус, где Хартман все-таки надеялся увидеть советского связного, могли вызвать подозрения. Но что оставалось делать? Кушаков-Листовский заверял, что все запросы от его имени ушли в Москву, однако ответа почему-то так и не последовало. Хартман еще раз отправил открытку с закодированным текстом в Стокгольм — тишина. Вместе с тем растущая ценность накапливаемой информации и уникальная позиция в переговорном процессе срочно требовали прямого контакта с Центром.

Ко всему прочему куда-то пропал Кушаков-Листовский — единственное звено связи со своими. Хартман несколько раз пытался с ним встретиться — безрезультатно. Тогда он решился пойти в дом флейтиста, чтобы поговорить с консьержем. Вспомнив Хартмана как страхового агента, тот поведал, что Кушаков-Листовский уже две недели как не появлялся дома, а это весьма странно, поскольку всегда, когда он куда-либо надолго уезжал, консьерж получал у него ключи от квартиры, чтобы поливать растения.

— А собака? — спросил Хартман. — У него, кажется, есть собака.

— Собака куда-то делась, — развел руками консьерж. — Дома ее точно нет. Она шумная, мы бы слышали.

Теперь оставалось одно — вновь побывать в Берне. Возможно, явочная квартира советской разведки на Марктштрассе ожила?

В последнее время Хартман часто бывал в старой церкви Святого Петра. Приходил днем, когда службы уже не было и своды оглашались лишь неуверенными пробами органа, усаживался в дальнем углу и сидел на скамье долго, мысленно разыгрывая незнакомую шахматную партию. Так он приучил себя размышлять.

Одиночество разведчика сродни одиночеству альпиниста, без надежного контакта с могущественным Центром оно ведет к растерянности, и, чтобы не впасть в отчаяние, нужно держаться, пусть без надежды, без срока, но — держаться изо всех сил...

Тем временем новая встреча с людьми Шелленберга наконец обрела предметность. Там же, в заросшем саду особняка в Винтертуре, арендованном Майером, после долгого и по большей части бессмысленного обсуждения политической ситуации в связи с покушением на Гитлера, когда, казалось, ничего конкретного уже не будет, Анри Бум, стомато-

лог из Ризбаха, представившийся «сотрудником сочувствующей финансовой компании», задумчиво протирая очки, произнес:

— Мне поручено проинформировать вас, господа, о предстоящем в ближайшее время испытании уранового взрывного устройства. — Он обвел собравшихся каким-то торжественным взглядом. — Иными словами, будет осуществлен подрыв установки.

Виклунд с Хартманом переглянулись.

— Где? — спросил Виклунд.

— На территории рейха, насколько мне известно. Конкретно о месте мы узнаем тогда, когда всё будет готово. Скажу одно: оружие испытывают в разных природных средах.

— Этот подрыв, он будет отличаться от того, что был в Белоруссии?

— По некоторым параметрам — несомненно. Не стоит напоминать, что Германия лидирует в этом вопросе. Лучшие физики мира — немцы, и они — в рейхе.

— Нам недостаточно этой информации, — сказал Хартман. — Нужна конкретика.

— Да, конечно, — согласился Бум. Он обернулся к Майеру, державшему на коленях бумажную папку. — Мы подготовили некоторые данные по предстоящим испытаниям, которые дадут вам представление о прогрессе в разработке бомбы. Господин Майер?

Майер поднялся, и, хоть и был в штатском, по выправке, одергиванию пиджака, по задержке, прежде чем сделать шаг, создавалось впечатление, будто военную форму он не снимал. Сидевший к нему ближе других, Хартман протянул руку, чтобы принять документы, но Майер с заметным вызовом обошел его и передал их Виклунду. Смахнув с губ чуть заметную улыбку, Хартман сказал, обращаясь к Буму:

— Кстати, о физиках. Хотелось бы вновь акцентировать внимание на нашей заинтересованности в их послевоенной судьбе. Мы настаиваем на том, что плеяда ваших ученых не должна пострадать. И конечно, они не должны попасть в руки большевиков. Вы можете это гарантировать?

— Безусловно. Их охраной занимаются войска СС.

— И гестапо, — вставил Виклунд.

— Гестапо входит в состав СС и подчиняется непосредственно рейхсфюреру Гиммлеру.

— Вы все время пытаетесь завести Гимmlера в орбиту наших переговоров, заранее зная, что нам сложно говорить об этой фигуре.

— И тем не менее. Объективность такова, что только Гимmlер способен удерживать в повиновении весь аппарат СС. После покушения он подмял под себя даже абвер. К тому же работы по созданию бомбы ведутся под контролем СС. В этом вы, надеюсь, не сомневаетесь?

— Хочу отметить, — вмешался Майер, — что благодаря усилиям рейхсфюрера из лагерей осво-

бождены большие группы евреев. Это серьезный риск. Их тайно переправляют в третьи страны, в том числе в Швецию. Можно обсудить и этот вопрос.

— Похвально, — кивнул Виклунд. — Правда, группы совсем небольшие. Но все равно... Однако евреи не являются предметом нашего разговора. И персону Гимлера давайте оставим пока за рамками, так сказать. Гейзенберг, Вайцзеккер, Ган, Багге — нас интересует безопасность ваших физиков.

— Они в безопасности, — заверил Бум. — Большинство эвакуированы из крупных городов, которые подвергаются бомбардировкам, и продолжают работать. В случае наступления союзников мы сможем контролировать их местонахождение в южных и западных землях рейха. Главное, заранее согласовать наши усилия... И наши условия, — добавил он, коротко подумав.

Это была та информация, которую можно было продать «Интеллидженс Сервис».

В остальном дни Хартмана протекали в потоке встреч, улыбок, визитных карточек и рукопожатий, что для него, закаленного подобной суетой в берлинском «Адлерхофе», не являлось особенным обременением. Много людей, много знакомств — именно то, что было нужно его хозяевам. Пару раз его узнали, но общение было мимолетным, и он выкрутился.

Среди новых знакомых внимание Хартмана привлек некто Феликс Цауэр, полноватый, смешливый, обремененный всеми видами неуверенности повеса, робкий любитель скрытного разврата и застольного балагурства. Во время кутежа в ресторане «Ритца» Цауэр на ухо поведал, что служит в базельском Банке международных расчетов. Хартман знал, что БМР был создан усилиями крупнейших мировых банков в 1930 году, в том числе нью-йоркским Федеральным резервным банком и германским «Рейхсбанком». На недавней конференции в Бреттон-Вудсе было выражено прямое нежелание сотрудничать со странами «оси», что привело к решению о ликвидации БМР. Однако банк продолжал функционировать как ни в чем не бывало и обслуживать самые разные компании, невзирая на их государственную принадлежность.

Цауэру нравился Хартман, спокойный, уверенный, доброжелательно ироничный, в нем он видел опору в преодолении своих мнимых недостатков.

— Странные дела творятся у нас в БМР, — доверительным шепотом поведал он, стараясь удержать на тупеющем от алкоголя лице загадочное выражение. — Знаете, куда уходят платежи? В космос. Они уходят в космос. Но! Гитлеру нужны доллары. А янки хотят золота. Я видел график поступлений за полгода... только, тсс! Золото едет к нам эшелонами. Прямо из рейха. А мы переводим доллары — прямо в космос. Но кто-то же там их принимает, а? Товар — деньги — товар. Так, кажется, у Маркса?

— Но откуда у немцев столько золота? — наивно поинтересовался Хартман.

— А вы догадайтесь. Если подумать, люди в массе своей прямо-таки увешаны золотом.

— М-да-а... значит, ваши подвалы полны золотом?

— Не знаю, — мотнул головой Цауэр. — У нас в Швейцарии — копи царя Соломона, это точно. Но по секрету могу сказать, что хорошая доля немецкого металла уже пересекла Ла-Манш. А куда там дальше — бог весть.

— Слушайте, Феликс, тут имеется роскошный «Джонни Уокер». В меню его нет. Но нам принесут. Будете?

— Конечно!

Хартман решил приблизить его и для начала предложил обучить игре в бридж.

Берлин, Принц-Альбрехтштрассе, 8, РСХА, IV Управление, гестапо, 9 сентября

— Из Цюриха, штурмбаннфюрер.

Референт положил на стол Шольца папку и удалился. Шольц был погружен в изучение допросов арестованного накануне радиста Лемке, поэтому к донесениям из Цюриха приступил далеко не сразу.

Работе мешала головная боль, она сжимала виски, мешала сосредоточиться. Дело в том, что почти всю ночь Шольц просидел возле маленькой собачонки, которую подобрал на дымящихся развалинах соседнего дома. Белый шпиц — у него был сильно обожжен бок, а также сломана лапа — жалобно повизгивал и смотрел на него блестящими бусинами глаз, словно спрашивал: «Видишь, как мне плохо?» Лишь ближе к утру, когда уже светало, собака уснула вместе с сидящим рядом с ней на полу Шольцем.

Будильник не понадобился: сколько бы ни спал, он всегда вставал ровно в семь.

Несмотря на усталость, Шольц был взволнован и обескуражен, ибо никогда раньше ему не приходилось иметь дело с созданием, всецело зависящим от его заботы и усердия. У него никогда не было жены, соответственно — и детей. Родители умерли. И даже с любовницей Шольцу не везло: чаще всего его ухаживания оканчивались пугливым бегством. По правде говоря, одиночество не тяготило его; вся энергия, все силы этого человека концентрировались вокруг работы в полиции. Шольц был отличным специалистом, его высоко ценили, у него была репутация крепкого профессионала. И все-таки он не мог не завидовать людям, имеющим счастливую возможность погреться возле семейного очага. Когда, усталый, он возвращался домой, то светящиеся окна манили заглянуть в них, чтобы разглядеть, как уютно живут благополучные пары, у которых есть общие заботы.

Шольц позвонил криминалисту Ульриху Рупрехту в канцелярию.

- Слушай, Ули, у тебя ведь, кажется, есть собака?
- Да, ризеншнауцер. А что?
- Чем ты его кормишь?
- Ох, Кристиан, это большой вопрос. А что?
- Ну, собака, она чем питается?
- Да чем придется. Отрываю от себя понемногу.

А так, мясом, конечно.

- Вареным?
- Да любым. Сейчас такая голодуха. И кость сойдет. А в чем дело-то?
- Ни в чем. Потом скажу.

Он повесил трубку и подумал: «В спецпайке есть фарш. Если его подогреть...» Повздыхав, вернулся к чтению допроса Лемке.

Позвонили от Мюллера, попросили зайти. Шольц поправил галстук, провел щеткой по мундиру. Коридоры управления были, как всегда, пустынные. Стук каблучков гулко отдавался в сводах. Навстречу попала девушка, которая давно и как-то безнадежно нравилась Шольцу. Он слегка покраснел, поздоровался, а пройдя мимо, оглянулся.

— Не хотел говорить по телефону, — сказал Мюллер, не предложив ему сесть. — Завтра в восемь жду тебя здесь. Привезут Пилигрима.

— Того самого? — удивился Шольц.

— Того, которого ты не смог найти. — Мюллер надел очки и погрузился в чтение документов. — Иди, Кристиан. У меня дел невпроворот.

Спустя час Шольц сбил документы в аккуратную стопку, положил их на угол стола и собрался уже идти домой, как вдруг взгляд его упал на папку с донесением из Цюриха. Он знал — в ней стандартный отчет гауптштурмфюрера Клауса, приставленного следить за посланцем Шелленберга Майером. Можно было бы отложить на завтра. Шольц неуверенно помялся, потом махнул рукой: «Завтра много дел» — и вернулся за стол.

Он открыл папку, пробежал сухой текст Клауса и стал быстро просматривать фотографии. Камера зафиксировала Майера входящим в особняк Остензакена, вылезаящим из автомобиля, прогуливающимся по бульвару, сидящим в летнем кафе. Помимо портретов Майера, здесь были фото людей, которые, хоть и не пересекались с ним, но оказались поблизости. Механически переворачивая снимки, Шольц, зевая, думал о собачке — как она там?

Внезапно он замер.

— Что?.. — ошеломленно вырвалось у него. — Минуточку. — Он схватил со стола лупу и навел ее на фото. — Матерь Божья, да ведь это... Не может быть... никак невозможно... Это же...

На террасе летнего кафе, в нескольких метрах от Майера, с сигаретой в зубах, развернув перед собой газету, сидел Франс Хартман.

Месяц назад, 1944 год (август)

Берлин, Целендорф, 5 августа

Оскар Блюм являл собой редкий экземпляр германца — он напрочь был лишен такого краеугольного национального качества, как пунктуальность. Время в его мироощущении представляло из себя некое подобие мысли, иногда важной, иногда пустой, способной возникать и размываться, возбуждать и погружать в сонливость, запутывать и раздражать; он не придавал большого значения мотивации, больше полагаясь на интуицию, чем на математически обоснованный расчет. Оттого и в своей неприспособленности к общепринятой дисциплине он не видел ничего ненормального: время существовало как бы отдельно от него, он забывал о нем или поддавался в зависимости от важности предстоящих событий. Опоздания, забывчивость, рассеянность — не каждый готов был терпеть такое. Человек-порядок, по которому можно было сверять часы, фон Арденне терпел. Он вообще на многое смотрел сквозь пальцы, когда дело касалось группы физиков, которых он годами подбирал, как ювелир подбирает драгоценные камни в задуманное им кольцо. Блюм относился к категории ученых с так называемым проблемным озарения, его идеи, сами по себе парадоксальные, открывали путь к неожиданным научным решениям. Фон Арденне ценил такие мозги.

Собираясь на работу, Блюм насвистывал мелодию старого марша «Эрика»: «На лугу цветочек маленький расцвел, / То цветок вереска. / И вокруг него кружатся сотни пчел, / Сладкого вереска».

Эсэсовца из охраны он вытурил еще вечером, указав на прописанную в инструкции необязательность сторожить дом по ночам. Тот охотно ушел, оставив в прихожей ключи от служебного «Опея». По радио все утро крутили старые шлягеры, перемежая их краткими сводками новостей. Диктор резким голосом сообщал: «Лондон шокирован непрекращающимися бомбардировками нашими крылатыми бомбами Фау-1, которые непрерывным потоком обрушиваются на Англию. Британское правительство не в состоянии обеспечить населению надлежащую защиту, поскольку такой способ бомбардировок сводит на нет существующие системы ПВО... Черчилль подвергается жесткой критике во всех английских газетах. Его упрекают в нарушении долга перед нацией... Чрезвычайно высокий прирост наблюдается в сфере производства истребительной авиации...» Далее Геббельс на протяжении двадцати минут развивал свою теорию о тотальной войне, мобилизации ресурсов, реорганизации всех ведомств рейха.

Утро стояло хмурое, воздух пропитан сыростью. Где-то вдаль надрывно кричал петух. Подхватив ключи от «Опея», бодрой походкой Блюм выскочил из